УДК 342.2.
DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08

Е. М. Павленко

Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России

Понятие «наилучшие интересы ребенка» входит в число общих принципов Конвенции ООН о правах ребенка, однако его четкого определения не существует. Автор показывает, что толкование международными организациями данного понятия ставит во главу угла свободу индивида и наличие свободного общества как ее необходимое условие. В то же время Российская Федерация во многом сохраняет традиционные подходы, основанные на представлениях о приоритете общественного над частным и существовании в обществе идеального образа человека, что, безусловно, ограничивает сферу применения понятия «наилучшие интересы ребенка» и задает иную очередность приоритетов.

Ключевые слова: наилучшие интересы ребенка; безопасность ребенка; безопасность детей; Конвенция ООН о правах ребенка; Совет Европы; свободное общество; устойчивое развитие.

Введение

Российское общество на пороге третьего десятилетия XXI века характеризуется осознанием глубокого кризиса системы ценностей, основанной на автономии личности. Обострение противоречий с подходами государств западной цивилизации, позиционирующих указанную систему ценностей как единственно возможную для всего человечества, требует выявления и формулирования собственных подходов, часто не осознанных в явной форме, но объективно существующих и закрепленных в массовом сознании посредством традиционных (неправовых) механизмов. Одной из актуальных проблем, к которой в настоящее время привлечено внимание международных организаций, специализирующихся на правах детей, является обеспечение наилучших интересов и безопасности ребенка. Однако очевидно, что с учетом различий в системах ценностей подходы к данной проблеме могут также различаться.

© Павленко Е. М., 2021

Цель исследования

Выявление и характеристика различий между подходами международных организаций и Российской Федерации к обеспечению наилучших интересов и безопасности детей.

Задача исследования

Анализ международных договоров и российских нормативных правовых актов в области обеспечения и защиты наилучших интересов, безопасности и прав детей.

Актуальность

Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей постоянно оказывается в фокусе внимания общенациональных и региональных средств массовой информации применительно к конкретным ситуациям (гражданско-правовым спорам, несчастным случаям и т. п.), однако как целостная концепция в настоящий момент широко в Российской Федерации оно не обсуждается.

Научная новизна

Отдельные аспекты обеспечения наилучших интересов и безопасности детей неоднократно становились объектами научного исследования, в том числе в статьях Н. Е. Борисовой «Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года» [1], Л. А. Букалеровой, А. А. Атабековой и М. А. Симоновой «К вопросу о приемлемости для России положений Стратегии Совета Европы по правам ребенка (2016–2021 гг.)» [2], Н. В. Кравчук «“Интересы ребенка” в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения» [3], А. В. Полякова и У. В. Унусян «Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации» [4], О. С. Рыбаковой «Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации» [5] и других авторов.

Основное исследование

Понятие «наилучшие интересы ребенка» (*англ.* The best interest sof the child, the child’s best interests) получило широкое распространение в 1959 году с принятием Организацией Объединенных Наций Декларации о правах ребенка и затем

было закреплено в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года (далее — Конвенция). Пункт 1 ст. 3 Конвенции в ее английском оригинале требует, чтобы наилучшим интересам ребенка уделялось первоочередное внимание «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами»[1]. Учрежденный Конвенцией, Комитет ООН по правам ребенка (далее — Комитет) на своей первой сессии в 1991 году включил понятие «наилучшие интересы ребенка» в число четырех общих принципов Конвенции[2]. В то же время четкое определение понятия «наилучшие интересы ребенка» отсутствует как в тексте Конвенции, так и в документах Комитета. Более того, в принятом в 2013 году Замечании общего порядка по этому вопросу Комитет постановил, что «концепция наилучших интересов ребенка отличается сложностью, и ее содержание требуется определять в каждом отдельном случае», при этом «уяснение концепции и ее конкретное применение законодателем, судьей, административным, социальным или образовательным органом возможно только посредством толкования и применения пункта 1 статьи 3 в сочетании с другими положениями Конвенции»[3]. Утверждается также, что «для полномасштабного применения концепции наилучших интересов ребенка требуется разработка подхода, основанного на правах человека, с вовлечением всех заинтересованных сторон с целью обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства». Таким образом, с точки зрения экспертов Комитета, понятие «наилучшие интересы ребенка» не имеет и не может иметь конкретной формулировки.

Тем не менее смысл этого понятия проясняется, если принять во внимание другие положения Конвенции. В ее преамбуле подтверждаются нормы международных пактов о правах человека, в соответствии с которыми каждый человек обладает правами и свободами без какого бы то ни было различия по признаку рождения, то есть ребенок изначально обладает тем же набором

---

[1] В официальном русском переводе п. 1 ст. 3 Конвенции, начиная с ее ранних проектов 1978 года, по неизвестным причинам использована иная формулировка: требуется уделять первоочередное внимание «наилучшему обеспечению интересов ребенка», при этом в остальной части перевода Конвенции, как и на протяжении всего ее английского текста, употребляется только понятие «наилучшие интересы ребенка». Эта ошибка перевода перешла из Конвенции не только в Замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета по правам ребенка, но и во внутрироссийские документы.

[2] Комитет ООН по правам ребенка. Общие руководящие принципы в отношении формы и содержания первоначальных докладов, которые должны представляться государствами-участниками в соответствии с п. 1 а) ст. 44 Конвенции. URL: https://undocs.org/ru/CRC/C/5 (дата обращения: 01.06.2021).

[3] Комитет ООН по правам ребенка. Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3). URL: https://undocs.org/ru/CRC/C/GC/14 (дата обращения: 01.06.2021).

прав и свобод, что и взрослый. Статья 29 указывает среди целей образования «подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе», то есть в обществе, ставящем во главу угла свободу индивида и налагающем на него лишь минимально возможные ограничения. Таким образом, наилучшие интересы ребенка понимаются как наиболее полное обеспечение его прав в безопасной защищенной среде. Данная концепция представляется спорной, так как Конвенция о правах ребенка не устанавливает иерархии прав, а следовательно, «задача о нахождении максимума» обеспечения прав ребенка в конкретной ситуации может не иметь однозначного решения.

В принятом Комитетом ООН по правам ребенка Замечании общего порядка № 14 (2013) предложен «неисчерпывающий, несоподчиненный перечень элементов, которые могли бы рассматриваться при проведении оценки наилучших интересов любым лицом, ответственным за принятие решений, которому предстоит определять наилучшие интересы ребенка». Среди таких элементов упомянуты взгляды ребенка, его индивидуальность, сохранение семейного окружения и поддержание отношений, попечение, защита и безопасность ребенка, уязвимое положение, право ребенка на здоровье и право ребенка на образование.

Региональные международные организации в своей деятельности, касающейся прав ребенка, опираются на подход ООН, не конкретизируя общие понятия. Тот факт, что Конвенция о правах ребенка ратифицирована с теми или иными оговорками почти всеми государствами мира, делает большинство ее норм общеприменимыми при рассмотрении дел, так или иначе затрагивающих права детей. По этой причине, в частности, Европейский суд по правам человека в рамках своей компетенции неоднократно истолковывал понятие «наилучшие интересы ребенка» применительно к конкретным ситуациям возможного нарушения Конвенции о защите основных прав человека и основных свобод 1950 года (в том числе и в отношении значительного числа исков против Российской Федерации), подчеркивая при этом, что составить исчерпывающий перечень факторов, влияющих на выявление таких интересов, не представляется возможным, поскольку в каждом конкретном случае эти факторы зависят от обстоятельств[4].

Начиная с 2009 года Совет Европы последовательно разрабатывает и принимает документ общеполитического характера — Стратегия Совета Европы в поддержку прав ребенка. В настоящее время действует уже третий документ такого рода — так называемая Софийская стратегия на 2016–2021 годы[5]. В этой стратегии подтверждается зафиксированный Конвенцией ООН принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, однако данная тематика раскрывается лишь фрагментарно, в первую очередь применительно к системе правосудия. В то же время упоминаются и другие направления обеспечения наилучших

[4] См.: Y. C. v. the United Kingdom (Application no. 4547/10), judgment of 13 March 2012. Para. 135. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109557 (дата обращения: 01.06.2021).

[5] Стратегия Совета Европы в поддержку прав ребенка (2016–2021). URL: https://rm.coe.int/-2016-2021-/1680931c99 (дата обращения: 01.06.2021).

интересов ребенка, в том числе «новые формы семьи и биоэтика, особенно в связи с суррогатным материнством и донорским деторождением», а также процедуры предоставления убежища, иммиграция, профилактика насилия, реабилитация и реинтеграция его жертв и др.

Комитет министров Совета Европы принял также ряд других документов по вопросам, связанным с обеспечением наилучших интересов ребенка. Среди них можно выделить Руководящие принципы правосудия, адаптированного к интересам детей (2010)[6], Руководящие принципы о здравоохранении, адаптированном к интересам детей (2011)[7], Рекомендации о социальных службах, адаптированных к интересам детей (2011)[8], а также Рекомендации об участии детей и молодежи в возрасте до 18 лет[9] (принцип обеспечения наилучших интересов ребенка воспринимается в связке с еще одним общим принципом Конвенции — уважением взглядов ребенка).

В России понятие «интересы ребенка» используется в нормах гражданского и семейного права начиная с XIX века. Однако концепция наилучших интересов ребенка в современном российском праве не получила развития и отсутствует даже в Федеральном законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»[10]: ее упоминания встречаются лишь в обзорах судебной практики (в том числе практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека), а также в двух постановлениях Пленума Верховного суда РФ[11] и одном постановлении Конституционного суда РФ[12]. Единственный документ федеральной

---

[6] Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice URL: https://rm.coe.int/16807000f1 (дата обращения: 01.06.2021).

[7] Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly healthcare. URL: https://rm.coe.int/09000016805c1527 (дата обращения: 01.06.2021).

[8] Recommendation CM/Rec(2011)12 of the Committee of Ministers to member States on children's rights and social services friendly to children and families. URL: https://rm.coe.int/168046ccea (дата обращения: 01.06.2021).

[9] Recommendation CM/Rec(2012)2 of the Committee of Ministers to member States on the participation of childrenand young people under the age of 18. URL: https://rm.coe.int/168046c478 (дата обращения: 01.06.2021).

[10] Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (с изменениями на 05.04.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102054607#I0 (дата обращения: 01.06.2021).

[11] См. постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (https://www.vsrf.ru/documents/own/15888/) и от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (https://www.vsrf.ru/documents/own/24386/).

[12] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25.06.2020 № 29-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал

исполнительной власти, ссылающийся на данную концепцию, — Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей»[13], однако в нем идет речь о «наилучшем обеспечении интересов детей», то есть, во-первых, повторяется ошибка перевода п. 1 ст. 3 Конвенции, а во-вторых, акцент смещен с интересов ребенка как индивида на интересы детей-сирот как социальной группы.

Российское законодательство о детях и правах ребенка в настоящее время характеризуется известной противоречивостью. Это связано с тем, что в обществе не сформирована целостная концепция детства. Нестабильность общественного сознания в период трансформации порождает нестыковки подходов, тем более когда они не сформулированы явным образом. Так, в преамбуле Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» утверждается, что государство «исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности». На первый взгляд, данная формулировка лишь дополняет и уточняет нормы Конвенции ООН о правах ребенка (которая, как и любой международный договор РФ, в соответствии с Конституцией Российской Федерации является составной частью национальной правовой системы и имеет приоритет перед законом), однако в действительности она радикально не соответствует заложенному в Конвенцию подходу: подготовка детей к полноценной жизни в обществе подразумевает существование единых критериев оценки, которые, как и общая для всех нравственность, в свободном обществе представляются недопустимыми и невозможными[14]; нацеливание детей на общественно значимую активность и формирование у них патриотизма означает, что ценность коллективного организма признается выше ценности индивида, свобода которого

правовой информации России. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006290003 (дата обращения: 01.06.2021).

[13] Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (с изменениями на 10.02.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102349970#I0 (дата обращения: 01.06.2021).

[14] Несмотря на то что в первоначальном проекте Конвенции о правах ребенка, как и в Декларации прав ребенка 1959 года, в качестве конечной цели образования указана возможность ребенка «стать полезным членом общества» (*англ.* To become a useful member of society), в окончательном тексте Конвенции о правах ребенка 1989 года такой формулировки уже нет, а в английской версии п. 1 ст. 40, посвященной несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым или признанным виновными в совершении уголовного преступления, желательность содействия выполнению ребенком «полезной роли в обществе» сформулирована как child's assuming a constructive role in society, однако слово constructive означает в английском языке скорее «созидательный» или «творческий», чем «полезный».

тем самым ограничивается. Кроме того, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», как и подзаконные акты, сужает понятие «интересы ребенка» с помощью уточнения «законные», то есть помещает на первое место в шкале ценностей интересы не индивида, а общества, имеющего возможность законодательно закрепить собственные приоритеты. В Заключительных замечаниях, вынесенных Комитетом ООН по правам ребенка по итогам рассмотрения объединенного доклада Российской Федерации в 2014 году, отмечалось, что понятия «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» неравноценны[15].

С концепцией наилучших интересов ребенка тесно связана концепция безопасности ребенка, которая также не сформулирована четко, однако охватывает широкий круг угроз и защиты от них. Кроме того, подход системы ООН к вопросам безопасности в настоящее время характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: одна из них основана на целях ООН в области устойчивого развития (ликвидация голода и нищеты, доступное и качественное здравоохранение, чистая вода и санитария, доступная энергия и т. п.), а другая — на защите индивида и стремлении к свободному обществу. Среди ключевых угроз безопасности ребенка, видимых с позиций международных организаций, можно выделить следующие:

1) угрозы, связанные с подчиненным положением ребенка в традиционных сообществах (физическое и психологическое насилие со стороны взрослых, торговля детьми, экономическая и сексуальная эксплуатация, участие в вооруженных конфликтах);

2) угрозы, связанные с зависимостью ребенка от взрослых (необходимость миграции вместе с родителями, в том числе в случае вооруженных конфликтов, ослабление связей в семье и ее разрушение вследствие индивидуализации общества, безнадзорность, влияние уровня жизни родителей на возможности ребенка и отношение к нему, необходимость раннего включения в трудовую деятельность);

3) угрозы, связанные с социальным и международным порядком (степень устойчивости в кризисных ситуациях, уровень развития систем образования и здравоохранения, судебной и пенитенциарной систем, их дружественность по отношению к ребенку; состояние окружающей среды, качество питания, приоритеты в разрешении конфликта между интеллектуальной собственностью и доступностью лекарственных средств);

4) угрозы, связанные с отсутствием у ребенка знаний и опыта, нестабильностью его психики и неразвитостью его критического мышления (повышенная тревожность в сложных ситуациях, несчастные случаи, самоубийства, физическое и психологическое насилие в подростковых сообществах, вовлечение в наркоманию, преступную среду, вооруженные группы, экстремистские

[15] Комитет ООН по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации. URL: https://undocs.org/ru/CRC/C/RUS/CO/4-5 (дата обращения: 01.06.2021).

и террористические организации). Отдельно стоит отметить угрозы, связанные с отсутствием у ребенка опыта правовой защиты;

5) угрозы, связанные с инвалидностью ребенка как препятствием для его полноценного вовлечения в жизнь сообщества;

6) угрозы, связанные с принадлежностью ребенка к социальной группе, то есть дискриминацией, в том числе по признаку возраста;

7) угрозы, связанные с воздействием цифровой среды на ребенка.

Комитет ООН по правам ребенка в своей деятельности придерживается подхода, основанного на защите индивида, поэтому в Замечании общего порядка № 14 (2013) безопасность ребенка определена как его право на защиту от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, сексуальных домогательств, давления сверстников, запугивания, унижающего достоинство обращения и т. д., а также на защиту от сексуальной, экономической и иных форм эксплуатации, наркотиков, привлечения к труду, вооруженных конфликтов и т. п. При всей важности указанной Комитетом проблематики очевидно, что она не охватывает огромный массив вопросов, связанных с безопасностью, в том числе тех, которые традиционно находятся в фокусе внимания ЮНИСЕФ и других специализированных организаций ООН.

В Стратегии Совета Европы в поддержку прав ребенка на 2016–2021 годы безопасность понимается несколько шире. В числе пяти приоритетных областей стратегии — жизнь без насилия для всех детей, что отвечает подходу Комитета ООН по правам ребенка, однако в тексте также упоминаются «безопасные условия занятия спортом для детей» и «безопасный доступ к ИКТ и цифровой среде».

В свою очередь, концепция безопасности ребенка, развиваемая в Российской Федерации, основана скорее на принципах устойчивого развития, чем на обеспечении защиты ребенка как индивида. Первоначально основное внимание уделялось безопасности жизни и здоровья детей, однако впоследствии концепция безопасности была распространена на их физическое и духовное развитие, что выразилось, в частности, в принятии Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ.

23 января 2021 года Правительством Российской Федерации был утвержден план основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года[16]. План состоит из 8 направлений: 1) здоровьесбережение с детства; 2) благополучие семей с детьми; 3) всестороннее развитие, обучение, воспитание детей; 4) инфраструктура детства; 5) защита детей, оставшихся без попечения родителей; 6) качество жизни детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов; 7) безопасность детей;

[16] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-Р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102996619#I0 (дата обращения: 01.06.2021).

8) координация реализации Десятилетия детства. Несмотря на то что в широком смысле на защиту безопасности ребенка направлены едва ли не все предусмотренные планом мероприятия, имеет смысл отдельно перечислить задачи плана по п. 7 «Безопасность детей»:

– формирование у обучающихся представления о безопасном образе жизни, правосознания и культуры в области безопасности дорожного движения;

– подготовленность детей к поведению в условиях чрезвычайных ситуаций, безопасному поведению в быту, на природе, на дорогах;

– реализация мер по профилактике асоциального поведения несовершеннолетних, детских суицидов и других причин потери детского населения;

– создание безопасного информационного пространства для детей;

– разработка и реализация системных решений по оказанию своевременной помощи детям и родителям в случае нарушения прав и законных интересов детей;

– сокращение повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных, освобожденных из мест лишения свободы;

– проведение профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, и их родителями.

Можно сделать вывод, что российская концепция безопасности ребенка хотя постепенно и сближается с международными подходами, но исходит из иных приоритетов. Комитет по правам ребенка выразил в 2014 году обеспокоенность по поводу того, что государственные учреждения по защите детей в России оценивают лишь общую физическую безопасность детей и не оценивают их эмоциональные и психологические потребности. Несмотря на то что данное суждение относилось к практике работы органов опеки и попечительства, его можно распространить и на наши представления о безопасности ребенка, которые, впрочем, имеют тенденцию к постепенному расширению. В плане основных мероприятий вообще не упоминаются проблемы торговли детьми, их эксплуатации, дискриминации, неприкосновенности частной жизни. Вместе с тем следует отметить, что вопросы профилактики суицида, преступности, травли и кибертравли, а также проведения реабилитационных мероприятий с жертвами насилия получили отражение в данном документе.

Слабым местом как международной, так и российской концепции безопасности ребенка представляется жесткая возрастная граница, отделяющая ребенка от взрослого: одномоментный переход из относительно безопасной и защищенной среды в относительно небезопасную и незащищенную порождает стремление максимально надолго «остаться в детстве», не принимая на себя ответственность за собственную жизнь даже после наступления совершеннолетия. Данная проблема требует не только правовой проработки, но и привлечения широкого спектра специалистов по различным аспектам развития личности.

Результаты исследования

Различия между подходами международных организаций и Российской Федерации к обеспечению наилучших интересов и безопасности детей вызваны различиями в общих представлениях о человеке и этапах его развития, а также различиями в оценке приоритетности угроз в период детства. Международные организации в целом выдвигают на первый план свободу индивида, независимо от его возраста, и оценивают общество и государство по критерию максимально возможного обеспечения этой свободы, рассматривая нарушение границ личности как наиболее важную угрозу ее безопасности. Российский подход, напротив, постулирует необходимость целенаправленного воздействия государства и общества на формирование ценностных установок новых поколений (т. е. воспитания), причем ядро таких ценностных установок предполагается общим для всех людей[17]. В то же время целостная концепция детства как особого этапа развития личности, затрагивающего в том числе и ее правовой статус, в Российской Федерации пока не сформулирована. Различные аспекты безопасности детей рассматриваются в нашей стране в настоящее время не системно, а по мере возникновения проблем, причем обнаруживается тенденция к расширению подхода от коллективного (дети как социальная группа) к индивидуальному (ребенок).

Литература

1. Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 71–77.

2. Букалерова Л. А., Атабекова А. А., Симонова М. А. К вопросу о приемлемости для России положений Стратегии Совета Европы по правам ребенка (2016–2021 гг.) // Государство и право. 2018. № 1. С. 65–71.

3. Кравчук Н. В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения // Государство и право. 2020. № 2. С. 107–116.

4. Поляков А. В., Унусян У. В. Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2019. Т. 21. № 2. С. 227–239.

5. Рыбакова О. С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации// Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 103–111.

---

[17] Данное утверждение изначально имеет религиозную природу: в соответствии с христианством единое ценностное ядро заложено Богом в человека при его сотворении и проявляется в голосе совести, которому, однако, человек, будучи свободным, волен следовать или не следовать в каждом конкретном случае и который, кроме того, можно в себе заглушить. Воспитание также подразумевает существование идеального (практически недостижимого) образа человека. В религиозных обществах роль такого образа играет представление о святости, в СССР его сменило представление о человеке коммунистического будущего.

Literatura

1. Borisova N. E. Deti kak prioritet gosudarstvennoj politiki v svete konstitucionnoj reformy` 2020 goda // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 71–77.

2. Bukalerova L. A., Atabekova A. A., Simonova M. A. K voprosu o priemlemosti dlya Rossii polozhenij Strategii Soveta Evropy` po pravam rebenka (2016–2021 gg.) // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 1. S. 65–71.

3. Kravchuk N. V. «Interesy` rebenka» v mezhdunarodnom i rossijskom prave: sravnitel`ny`j analiz doktriny` i praktika primeneniya // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 2. S. 107–116.

4. Polyakov A. V., Unusyan U. V. Problema bezopasnosti detstva kak prioritet nacional`noj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik RUDN. Seriya «Politologiya». 2019. T. 21. № 2. S. 227–239.

5. Ry`bakova O. S. Bezopasnost` rebenka v kontekste konstitucionny`x cennostej Rossijskoj Federacii// Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 3 (112). S. 103–111.

E. M. Pavlenko

Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia

The notion «best interests of the child» is one of the general principles of the UN Convention on the Rights of the Child, but there is no clear definition of it. The author shows that the interpretation of this concept by international organizations prioritizes the freedom of the individual and «free society» as its necessary condition. With certain reservations regarding the concept of sustainable development, this statement applies to the emerging international concept of child safety. At the same time, the Russian Federation largely retains traditional approaches based on the concept of the priority of the public over the private and the existence of an ideal image of a person in society, which undoubtedly limits the scope of application of the concept of “the best interests of the child” and provides a different priority order. The concept of child and childhood safety is being developed in Russia «from particular to general» as topical problems are identified.

Keywords: best interests of the child; child safety; children safety; UN Convention on the Rights of the Child; Council of Europe; free society; sustainable development.